

Алексей Тихонов

Игольное ушко

Ещё чуть-чуть и прямо в рай
Их жизнь удалась, what a beautiful life
И все завидуют, пускай
Ведь жить станет в кайф, what a beautiful life

Банд Эрос «Песня про красивую жизнь»

Дмитрий Николаевич Вершинин проснулся в весьма скверном расположении духа. Резь в желудке усиливалась с каждым днём, а колоть морфиновые обезболивающие, прописанные врачами из клиники управделами президента, щеголеватый «персональный менеджер» из Парадиз-Сервис категорически запретил. Так и сказал: «Без штатно работающего мозга мы результат не сможем гарантировать ни за какие деньги. Поэтому, если ваша энцефалограмма нам не понравится — вынуждены будем отказать в заключении контракта. Нам репутация дороже!». Тяжело вздохнув, Дмитрий Николаевич поднялся на кровати и опустил ноги в мягкие кашемировые тапочки. Тепло пола, передавшееся за ночь тапкам, на секунду успокоило, дав ощущения уюта и

комфорта. Однако, поднимаясь, он снова скривился от боли. «Засранцы! Я им двенадцать миллионов зеленюю перечисляю, а они ещё выкобениваются! Энцефалограмма! Попробовали бы сами при онкологии на анальгине посидеть — посмотрел бы я на них!» Грустно взглянув на колонку из чёрного дерева, в которой размещался минибар, Дмитрий Николаевич направился в ванную. Любимый виски тоже был под строжайшим запретом.

Уже заканчивая бриться, Дмитрий Николаевич окончательно пришёл в себя. Впереди был длинный день, с множеством планов и неотложных задач. Бизнес, на отладку которого было потрачено немало сил и времени, продолжал стремительно развиваться. Теперь, это был уже не жалкий «шараш-монтаж», занимавшийся строительством торговых павильонов из лёгких конструкций, а гигантская корпорация, имевшая в своём «портфеле» самые разные проекты — от строительства бизнес-центров класса «А» на «третьем кольце» Москвы до застройки целых микрорайонов в ближнем Подмосковье и выполнения подрядов на строительство или реконструкцию мостов на федеральных трассах. К мостам Дмитрий Николаевич тяготел особенно — они казались ему чем-то серьёзным и основательным, настоящим. Строил мосты «на века», жёстко отмечая предложения совета

директоров, позволяющие немножко сэкономить «без ущерба для качества» и сурово карая попытки осуществить подобную экономию за его спиной. «Экономить на коммерческих проектах надо, а за федеральную копейку, те, кому положено — душу вынут!» — подобным выводом заканчивались почти все совещания по «мостовой» теме. Однако, самого себя он давно уже не обманывал — с «теми, кому положено» он научился «работать» ещё лет тридцать назад, безошибочно чувствуя «размер причитающейся благодарности» для каждого из них. Просто, Дмитрию Николаевичу страшно хотелось, чтобы «его мосты» стояли не меньше, чем творения «коллег» из минувших эпох. «Могу я себе позволить сделать что-то «для души»?» — думал Вершинин, рассматривая очередную прикреплённую к новому или отремонтированному мосту латунную табличку, на которой его «Арсенал Холдинг» значился генподрядчиком и генпроектировщиком в одном лице, а он сам директором этой замечательной организации. Вообще-то, никаких табличек ни техзаданий Росавтодора, ни строительные нормы не предусматривали. Но заказчик против такого «новшества» не возражал, считая это «фирменным стилем» Вершинина, справедливо гордящегося хорошо сделанной работой.

Вот и на сегодняшнее утро была

запланирована очень непростая встреча в министерстве — новые подряды, даже при знаменитом «вершининском» качестве, приходилось, буквально, выгрызать. Сбавлять темп Дмитрий Николаевич не желал несмотря ни на что. «Мои болячки — это только моя проблема!» было его любимой поговоркой. Тем не менее, не считаться со своим состоянием Дмитрий Николаевич уже не мог. Привязавшаяся хворь вносила в его график серьёзные коррективы. Тем более, эта неделя была как раз последней — на будущий вторник планировался переход в лучшую жизнь. Поэтому, сегодня вечером он официально представлял совету директоров своего преемника — младшего сынулю, Валерку. А на завтра было намечено «оглашение завещания» — об этой тяжёлой процедуре, с кучей недовольных, Дмитрий Николаевич старался вспоминать пореже. Кроме того, не решён был один из ключевых вопросов — «персональный менеджер» из «Парадиз Сервис» никак не мог добиться от Вершинина решения по сценарию его «райской жизни». Дмитрий Николаевич очень живо помнил тот разговор:

— Вы, мой дорогой, напрасно так легкомысленно относитесь к сценарию. — менеджер Слава стряхнул невидимую пылинку с тёмно-синего костюма от Brioni. — Сценарий — вопрос ключевой. Вам ведь там вечно

блаженствовать. А если не понравится? Хотите испортить нам статистику?

— А что там может не понравиться? — искренне удивился Вершинин. — Рай — он и есть рай!

— Не скажите... — менеджер откровенно рассматривал Вершинина через золочёные очки. — Интересно, как именно вы его себе представляете?

— Ну... — Дмитрий Николаевич смутился. — Святой Пётр у ворот, а внутри херувимы поют и праведники меж собой беседуют. Так как-то... Да, Бог там ещё должен быть. По-моему...

— Весело... — Слава издевательски ухмыльнулся. — Вы в опере когда последний раз были?

— Когда за будущей женой ухаживал... — Вершинин, запросто общавшийся с федеральными министрами и сенаторами, перед этим долбаным Славиком, почему-то, чувствовал себя мальчишкой-двоечником, стоящим перед директором школы. — А при чём тут это?

— Да при том! Дмитрий Николаевич, вы взрослый человек! Вам, правда, интересно будет вечно слушать заунывное хоровое пение? А с праведниками, скажите на милость, о чём вы беседовать будете? О погоде в раю? Так, она там всегда хорошая... О бабах? — менеджер снова ухмыльнулся. — О футболе? О работе? Так, они в

строительстве домов ни хрена же не соображают!!!

— Ну вот что! — Дмитрий Николаевич просто взорвался. — Я вам деньги плачу нехилые за вашу работу! Вот и делайте её как положено! Надо, чтоб о футболе — пусть о футболе разговаривают! Я вам двенадцать миллионов зелёную плачу! Из них миллион — как раз за разработку сценария! И что — я за вас думать должен? Я же у вас не спрашиваю, как мне дом построить!?

— Как дом построить не спрашиваете... — Славик, наконец-то, нервно затеребил Watterman с золочёным пером. — А вот сколько комнат в моей квартире быть должно — спросите. И, какой паркет положить — тоже. Даже, где розетки быть должны — и то спросите. Поймите, уважаемый клиент, вам там жить! Вечно! И, что там должно быть для вашего вечного счастья — знаете только вы! У нас, конечно, есть классические варианты — христианский, мусульманский, даже буддистский и индуистский. И Золотой город с Древом жизни посередине, и сады с реками из молока и мёда и девственными гуриями — всё есть! Даже индуистское перерождение в магараджу можем вам организовать! Или — пребывание в нирване. Вопрос один — насколько вам это надо? И что из этого? Тем более, что по опыту — «классику» выбирают не более двадцати процентов наших заказчиков. А остальные — что-то другое! Тем

более, выбрать есть из чего. Кстати, если выберете «классику» ваш миллион за разработку сценария можем вернуть. Только, после того, как сделаете выбор — будет тестирование, на котором нам нужно будет убедиться, что вы действительно горячо желаете именно так свою загробную жизнь проводить! И, если не получится — будем с вами опять эти бесконечные диалоги вести! Соберитесь, Дмитрий Николаевич! Это же так просто — нужно просто выбрать то, чего вы больше всего хотите! Вы ведь, чего-то хотите?

— Сколько у вас заморочек всяких... Статистика, энцефалограмма... — Дмитрию Николаевичу, почему-то, вдруг стало скучно.

— Конечно! — Славик поморщился. — Услуга стоит очень дорого! Поэтому, как вы знаете, существует «Комитет контроля», состоящий из близких родственников усопших. Каждый из них очень печётся о благополучии ваших бесценных душ в лучшем мире. А на деле — горячо желают они только одного. Чтобы кто-то из вас «вечного блаженства» не получил. Тогда — суд и истребование денег обратно, но уже в их карман. А дальше — ещё цепочка судов, так как по контракту мы именно ГАРАНТИРУЕМ вам попадание в рай. А если есть хоть один «неблаженствующий» — какие уж тут гарантии! Поэтому, при любых сомнениях в возможности обеспечить вам,

действительно, райскую жизнь — нам проще отказать. Так-то...

— «Усопших»... — передразнил Вершинин. — Как-то вы меня к ним преждевременно записали! Я пока жив. Да и в вашем «инкубаторе» я тоже, насколько понял, с биологической и юридической точек зрения буду вечно живым оставаться.

— Господи, как только нашу аппаратуру не называли! — Слава поднялся со стула и облокотился о подоконник. — Теперь вот — «инкубатор». Хотя, в философском смысле, может и так... Те возможности, которые мы даем, действительно, формируют новый тип современного успешного человека. Отсекаются ненужные атавизмы и рудименты.

Слава улыбнулся, видимо, внутренне восхищаясь своей эрудицией и разносторонней образованностью. Секунду помолчав, продолжил:

— Пожалуй, вы, дорогой Дмитрий Николаевич, попали в точку, сами того не ожидая! Я вам технологию уже рассказывал, но, с удовольствием повторяюсь! Я, вообще, могу до бесконечности об этом рассказывать — настолько изобретение, которое мы используем, просто и гениально одновременно! Вы, как и все, так называемые, «усопшие» будете биологически живы ещё неограниченное время. Просто, организм будет

введён в состояние глубокого анабиоза, при котором все процессы замедляются почти до полной остановки. В таком состоянии Ваш организм сможет пребывать почти вечно — при соблюдении температуры, влажности и придуманной нами схемы питания клеток. Не коснётся это состояние только вашего мозга. Вернее, коснётся, но частично! Тем не менее, он будет продолжать функционировать. Вот его-то питание, при общем анабиозе организма, и есть наше главное ноу хау! Подключившись к мозгу, мы сможем создать полную иллюзию абсолютно любых событий, образов и обстановки! Ну, вы же были на пробном сеансе — сами всё видели! Поэтому, поместить вас в рай для нас не проблема. Но, именно в тот, что действительно станет для вас желанным и комфортным. Потому, что есть ещё средства контроля, сканирующие, так называемые, «центры удовольствия». И вот, если уровень вашего удовольствия хоть в какой-то момент будет ниже минимального порогового значения — вот тогда-то и последуют все эти суды с родственниками, расторжения контрактов и так далее! Кстати, нам вы платите вовсе не двенадцать миллионов, а два! А остальные десять идут в совершенно отдельный фонд, занимающийся инвестированием ваших денег, получением от этой деятельности дохода и финансированием из этого дохода поддержания

вашего вечного удовольствия! И именно на эти деньги и претендуют алчные родственники, стремящиеся лишить вас рая, а нас — заработка. Вот такая система сдержек и противовесов, заставляющая нас крайне ответственно относиться к результатам нашей работы.

— Всё это я же слышал, — Вершинин демонстративно зевнул. Всё-таки Слава раздражал его до невозможности и явно нуждался в хорошей выволочке. — Все эти ваши высокопарные умствования к реальности притянуты за уши. Нового человека они формируют... В чём новизна-то? В массовом братском склепе с датчиками на башке? Проект успешный, прибыльный — кто же спорит? Вот только, пафоса бы поменьше...

— Отнюдь! — Слава и не подумал смутиться — Дмитрий Николаевич с досадой понял, что попал на любимую Слаvinу тему. — Мы, фактически, подарили людям свободу! Ни больше, ни меньше! Не всем, конечно, а платежеспособным! Свободу от страха смерти! И, как следствие — от идиотских, непонятно кем придуманных, догм и правил. От гнетущей каждого успешного человека неопределённости! Помните поговорки? «Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Божие», «Тележку с деньгами к гробу не прицепишь», и так далее. Теперь,

благодаря «Парадиз Сервис», этого нет! Тележку, может, и не прицепишь, но приехать на тележке с деньгами в счастливую загробную жизнь теперь точно можно! Причём, всё прописано в контракте и гарантируется немалой финансовой ответственностью. Что вы получали раньше, вкладывая деньги в благотворительность? Ничего, кроме «спасибо!» и призрачной надежды, что «там зачтётся». Не станете же вы говорить, что перечисляли деньги, к примеру, детскому приюту, потому, что вам была очень интересна судьба завшивленных рахитов, готовящихся стать, в лучшем случае, продавщицами и дворниками, а чаще — наркоманами и проститутками! Нет, посылая им деньги, вы думали именно о себе, о том, какой вы добрый и великодушный и что Боженька это непременно заметил и воздаст! Согласитесь, что такое вложение капитала — глупость.

— Ну, вот что! — Дмитрий Николаевич вскочил и навис над Славой, уперев кулаки в стол. — Вам никогда никто не говорил, что ваш цинизм омерзителен?! И, что после общения с вами, хочется хорошенько прочистить желудок? А главное — что гнать вас надо с этой должности к чёртовой матери! Потому, что общаться с вами, элементарно, противно!

— Дорогой мой! — Слава даже не

шелохнулся. — Моя задача — дать хорошую услугу, которая вам очень нужна. Но, получить её, не попрощавшись с вредными иллюзиями — невозможно. Вы потому и вспылили, что внутренне согласны со мной. Мой вам совет — определитесь, наконец, со сценарием вашего рая. Лично вам «классику» не рекомендую. Полистайте каталог — там чего только нет! И кругосветное путешествие на белом океанском лайнере и тур по экзотическим странам, и отпуск в русской глубинке с грибами, рыбалкой, запотевшей рюмочкой вечером и румяной соседкой! Секс-тур по странам мира! Или — райский остров с молодой женой. Если хотите — можем даже пилотом боевого звездолёта вас сделать! Будете получать удовольствие, расстреливая инопланетную нечисть. Хотя, это, конечно, совсем не ваше... А хотите, недавно появилась новинка — зацикливание самого счастливого из ваших прожитых дней, на ваш выбор. Как «день сурка», только со знаком плюс! Определитесь и приходите. Главное, не позже второй декады апреля — дальше, боюсь, не выдержите без морфия. Боли, как я понимаю — будь здоров?!

Пробурчав что-то неразборчивое себе под нос, Вершинин поспешил покинуть Славин кабинет — уж больно гадливо стало от этого разговора...

От неприятного воспоминания Дмитрий

Николаевич расстроился окончательно. Повозив ложкой по тарелке с полезной овсянкой, он решительно отодвинул её. Повертев в руках баночку «живого» йогурта, отправил продукт в мусорное ведро. Встав из-за стола, сам направился к холодильнику и вернулся с батоном колбасы и упаковкой яиц. Лида, очередная домработница, сидящая пройти отведённый Маринкой испытательный срок, застыла с глазами, полными ужаса. Дмитрий Николаевич, достав из шкафа сковородку поставил её на огонь, ливанул масла.

— Димуль, — Маринка чуть потуже затянула шёлковый поясик на халатике, едва прикрывавшем кружева нижнего белья. — Чё чудишь-то опять? Мы тебе зачем кашу варили? Нам больше заняться нечем? Если тебе не надо ничего — то я поскакала! У меня, между прочим, через полчаса занятие по аква-аэробике, а я время трачу, чтобы накормить тебя, как врач прописал. А взамен мне — вот это... Ну-ну...

— Что ты тратишь? — глаза Вершинина налились кровью. — Время? У тебя его вагон!!! Готовила она! Да ты сроду, яйцо под майонезом сделать не могла! Вечно, то маникюр у тебя, то голова болит, то настроение плохое! Заботливая! За шесть лет брака — сраную пуговицу не пришила. А тут — расстаралась! Лидиными руками... Конечно — завтра завещание оглашаем, надо усопшего

подмазать! Заботой окружить! Кашкой, покормить...

— Так значит?! — Маринку аж перекошило. — А сам-то много заботы проявил? То по объектам мотаешься, то в кабаках водку жрёшь, то по баням девиц жарешь вместе с такими же старперами из министерства или из надзора! Образец он заботливости! Идеальный муж, твою мать! Чего я от тебя доброго-то видела?

— Да ты! — Вершинин аж задохнулся. — Да ты! Да ты же купаешься в моей заботе! Надо тебе Авдюху новую — получи. Надо развлекательный центр в управление, чтобы не скучно было — на, развлекайся! Бизнес-леди хренова! Надо на Мальдивы — пожалуйста! Срочно в Милан приспичило — вуаля!

— Вершинин, — Маринкины глаза смотрели с нескрываемым презрением. — Я давно знала, что ты дурак, но чтоб настолько... Сам-то понял, что сказал? В Милан... В Милан, Димулечка, люди на распродажи ездят. Подумай, головой — жена долларового миллионера, как последняя драная кошка, на распродажу телепает! А потом за это претензию ещё выслушивает! Дебил, других слов нет! В гробу я видела тебя с твоим завещанием! Если там будет что-то не так — подаю на развод и раздел имущества. А дальше — ходатайство об аресте счетов, до решения суда. Ничего личного —

всё по закону. И никаких денег никуда ты не перечислишь, «Парадизы-Паразиты» твои покурят в сторонке, а ты в ожидании суда загноёшься потихоньку и к чертям на сковородку. А я безутешной вдовой стану, ничего и ни с кем не деля. Хочешь так? Если нет, рот закрой и плиту выключи — масло твоё уже все стены удрызгало.

Повернувшись на длинющий каблук, Маринка с гордо поднятой головой выплыла из кухни. Лида поспешно бросилась выключать плиту.

Потом, по дороге в офис, Вершинин извивался и корчился на заднем сиденье своего Мерседеса. Потом водитель Гриша оббегал аптеки на Никитской, а потом и на Малой Дмитровке, скупая альмагель, от которого Вершинину ненадолго становилось легче. Потом, остановившись в квартале от офиса, он умывался ледяной минералкой из автомобильного минибара, стараясь прийти в себя. В офис он уже входил спокойный, собранный и строгий — такой, как обычно.

— Лариса, Валерий Дмитриевич вернётся — пригласите ко мне незамедлительно. — кивнув секретарше распорядился Вершинин, открывая дверь в кабинет.

— Дмитрий Николаевич, Валерий Дмитриевич уже приехал. — во взгляде секретаря появилось беспокойство. — Может быть, сейчас пригласить?

— Интересно... Тогда, пусть зайдёт сейчас!

Через пару минут дверь вершининского кабинета без всякого стука распахнулась и к столу, за которым Вершинин вкушал очередную пачку обезболивающего, вальяжной, но не очень твердой походкой приблизился Валера. Здоровенный детина, не очень гладко выбритый, со следами вчерашнего веселья и сегодня выглядел вполне жизнерадостно.

— Ты чего здесь делаешь? — Дмитрий Николаевич рассматривал его с лёгкой досадой. Ситуация, пройденная много раз, была вполне понятна ему и особо не удивляла. — А в министерство к Игнатьеву кто поехал? Я этой встречи две недели добивался!

— Гена Шепелев. — плюхнувшись в кресло и закинув ногу на ногу, Валера надел на лицо самую приветливую из своих улыбок. — Он толковый, справится! Па, ты же знаешь, ну не люблю я Игнатьева. Вечно, с подколками со своими...

— Валер, ты дурак или прикидываешься?! — Дмитрий Николаевич снова начинал закипать. — Ты со мной уже семь лет, с института! Шепелев, конечно, толковый — с головой, с языком! Но, подряды не ему, а Вершининым дают! Ты до сих пор не понял этого? Или как? И потом, какой он тебе Гена? Геннадий Сергеевич мне ровесник!

— Итс хиз проблем! — Валера продолжал

улыбаться. — Пап, тебе подрядов не хватает? Этот так нужен и именно сегодня?

— Это же Ржевско-вяземская развязка, Валера! Я её строить уже год собираюсь, я этот проект, можно сказать, вынынчил, начиная с обоснования и заканчивая выбиванием финансирования на неё! Тебе, что, правда, на всё плевать?

— Пап, я тебя умоляю! — похлопав себя по карманам, Валера извлёк пачку сигарет, но, взглянув на отца, засунул её обратно. — Тебе сейчас о себе надо думать, а не о том, как люди будут с Новой Риги на Ржев сворачивать... Чё ты заведённый такой? Опять Маринка достает?

— Не твоё дело. — старший Вершинин приготовился к обороне. — Да и какая она тебе Маринка! Я же просил — Марина Игоревна!

— Ошибаешься, па, теперь уже очень даже моё! — Валерка опёр локоть о Вершининский стол и подпёр кулаком подбородок. — Марина Игоревна... Может быть, ещё мамой её назвать? Во-первых — мне за тебя обидно! Последние дни твои, и то отравить готова! Я, честно сказать, не очень понял, у тебя, вообще-то счастливые моменты с ней были? Или только первый месяц после свадьбы, пока ты её дарами засыпа'л?

— Тебе то что?

— Ничего... — Валера зевнул. — А во-вторых

— она сейчас кусок приличный оттяпает. Лимонов двести... Не ошибаюсь?

— Ошибаешься. Двести четырнадцать. И что?

— Вот и я об этом. Я тебе ещё год назад, после её закидона на юбилее Ваксмана говорил, что валить её надо. Марат это «под ключ» делает и берёт всего три миллиона баксов. Со всеми пирогами — с заносами в прокуратуру, следакам, в суд...

— Валер, — Дмитрий Николаевич нахмурился. — тебе никто никогда не говорил, что людей убивать нельзя?

— Нельзя? — Валера сидел нагло ухмыляясь. Вершинин поймал себя на мысли, что он в этот момент чем-то неуловимо напоминал Славика из «Парадиз-Сервис», хотя никакого внешнего сходства с тщедушным ухоженным блондинчиком у Валерки не было и в помине. — А то что?

— Ничего! — рявкнул Вершинин. — Посадят тебя, дурака, да и всё! И вообще, я — строитель, а не мафиозо, я дома и дороги строю, и становиться убийцей мне даже в страшном сне не приснится!

— Пап, ты не слышишь, что-ли? Марат Артурович организует всё «под ключ»! Какое «посадят»? Маринка вон как гоняет, это всем известно. Просто, на встречную полосу приедет Камаз с заснувшим за рулём водилой, и как назло — прямо в лоб её Ауди... Будут экспертизы, будет

суд, приговор, водила раскается и получит минимальный срок, который отсидит за зарплату. И всего делов! Ну, даже если что-то не так пойдёт — ну ещё миллион вложим... Всё равно не соизмеримо с тем что ей живой отдавать придётся!

— Слушай, Валера... — у старшего Вершинина по спине побежали мурашки. — А спать ты как после этого будешь?

— Спать? — Валерка осклабился. — Отдав двести четырнадцать миллионов, спать вообще не буду! Скорее всего «жаба задушит» и на этой почве помешаюсь... А отдав три — спать буду сладко посапывая. Этого мне, кстати, почти на двадцать раёв хватит, если ты ещё и об этом... Ну, реально, за что ей? Ты хоть какую-то радость поимел от неё или только геморрой?

— Хорошо! — Дмитрию Николаевичу, почему-то, стало невероятно тоскливо. — Валера, попробую объяснить на понятном тебе языке. Вот завалит этот твой Марат Артурович Маринку, получит свои три миллиона, а потом возьмёт тебя, как заказчика, мозолистой рукой, да за «орехи» и вытрясет и двести миллионов и всё остальное! Тогда что?

— Тогда, он бизнес потеряет. — Валера неожиданно стал серьёзным. — Если он хоть кого-то «за орехи» возьмёт, то к нему никто не придёт больше. А так — он эти двести миллионов

за год зарабатывает, если не быстрее... Заказов, я так полагаю, хоть отбавляй! Зажиточные люди сейчас друг друга с большим удовольствием мочат — это очень в тренде. Вон, почитай — одна на снегоходе разбилась, другой — «золотой укол» от скуки сделал, третий — с аквалангом обратно не вынырнул. Выживает быстрееший. Тебе, понятно, не актуально уже, а мне — весьма! Не я её — так она меня...

— Ну, раз ты в офисе, поедешь со мной Нину встречать. — поспешил сменить тему старший Вершинин.

— Прилетает? — Валера изобразил удивление. — Как же там Америка без неё?

— Не ёрничай! — Дмитрий Николаевич почувствовал, как желудок снова начинает завязываться в тугий раскалённый узел. — Неужели не соскучился? Вы ведь, в детстве, не разлей вода были! Всё что что-то против Андрюхи затевали...

— Соскучился, — Валера зевнул. — как не соскучиться... Два года не виделись. Как бизнес с отцом раскручивать — так нет её, в своём Масачусетсе с улыбчивым Расселом своим милуется. А как наследством папкиным запахло — нарисовалась, хрен сотрёшь!

— Слушай, бизнесмен! — глаза Дмитрия Николаевича сверкнули. — Может, ты и насчёт Нины с Маратом переговоришь? Оптом, наверное,

подешевле будет? Встал и вышел, немедленно!!!

Валера демонстративно неспеша, вразвалочку покинул кабинет. Дмитрий Николаевич опустил лицо в раскрытые ладони. Посидев так пару минут, нажал кнопку вызова секретаря:

— Лариса, совет директоров переносим на завтра, на утро. Оповестите всех, пожалуйста! Я сейчас отъеду, буду после трёх. Есть что-то срочное на подпись?

После ухода секретаря, достал мобильник и нашёл номер старшего сына, Андрея. Нажал вызов, но тут же, не дожидаясь гудков, сбросил. Подойдя к окну, без малейшего интереса стал рассматривать набережную, по которой, подставляя лица первому яркому весеннему солнцу, медленно вышагивали прохожие. Спешащих не было. Наоборот, многие, будто специально, фланировали нарочито неторопливо. Поймав себя на мысли, что ему тоже страстно хочется туда, на эту набережную, вон на ту свободную лавочку, Вершинин снова набрал номер Андрея. На этот раз, дождался ответа.

— Здравствуй, сын. — голос Дмитрия Николаевича неожиданно стал хриплым, точно простуженным. — Не отвлекаю? Как дела твои?

— Здравствуй. — от знакомого Андрюхиного баска у Вершинина сдавило спазмом горло. — Нормально дела, пап. Что ты хотел?

— Ну, а просто так позвонить я тебе не могу?